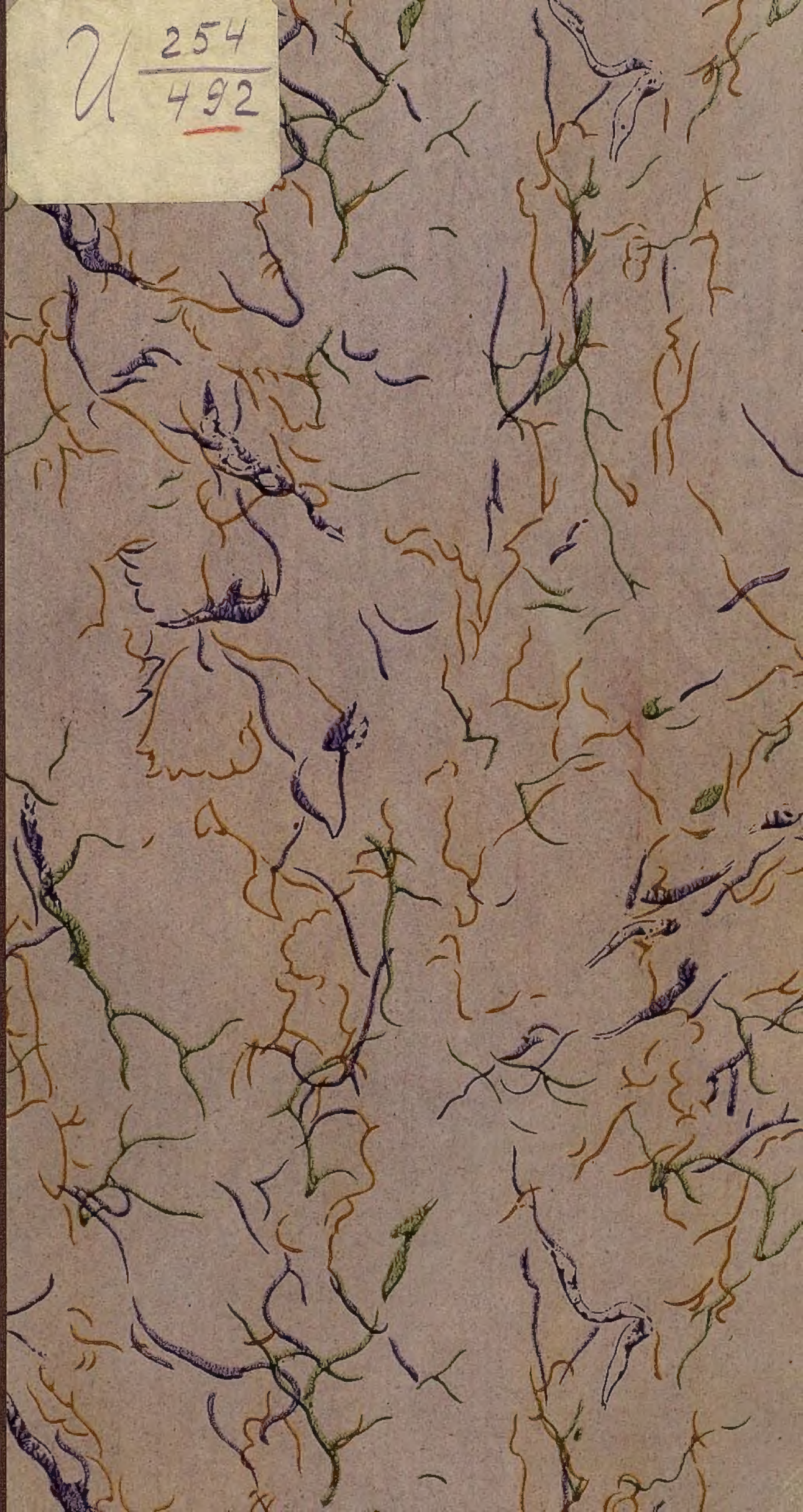
И 254/492



И 254/492

СОСТАВИТЕЛИ

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАГО ПАТЕРИКА

И

ПОЗДНѢЙШАЯ ЕГО СУДЬБА.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ

М. А. Викторовой.

Съ предисловіемъ И. Ю. Некрасова.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А. Гольдштейна.
1871.

И 254/492

СОСТАВИТЕЛИ

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАГО ПАТЕРИКА

и

ПОЗДНѢЙШАЯ ЕГО СУДЬБА.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ

покойной переводчицы Кіево-Печерскаго Патерика на современный Русскій языкъ,

М. А. ВИКТОРОВОЙ.

Съ предисловіемъ И. Ю. Некрасова.

Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А. Гольдштейна.
1871.

17616-43.

Дозволено цензурой. Москва, 18-го Августа 1871 г.

2007053188

ПРЕДИСЛОВІЕ И. Ю. НЕКРАСОВА.

Предлагаемое послѣ настоящей замѣтки изслѣдованіе принадлежитъ талантливому перу молодой писательницы, слишкомъ рано утраченной для русской литературы. Мы имѣли случай довольно обстоятельно высказаться о трудѣ М. А. Викторовой, состоящемъ въ переводѣ древнерусскаго текста Патерика Печерскаго на современный языкъ литературный (Фил. Зап. 1870. вып. VI-й). Въ указанной статьѣ нашей читатель можетъ въ главныхъ чертахъ ознакомиться съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ даровитой писательницы. Ея симпатичный образъ отражается и въ помѣщенномъ ниже изслѣдованіи. Ея несомнѣнная талантливость также подтверждается послѣднимъ. Дѣло науки и литературы было для нея дѣломъ отъ души и жизненнымъ. И таково отличіе всякаго истиннаго дарованія: живое оригинальное отношеніе ума къ тому предмету или къ той области знанія, которые выбраны для изслѣдованія,—и живое въ трудѣ отраженіе безупречнаго нравственнаго настроенія, проникающаго дѣятель-

ность талантливой умственной силы. Пишущій эти строки постарается въ предлагаемомъ трудѣ покойной Викторовой найти оправданіе вышесказаннымъ положеніямъ.

Os magna sonaturum—вотъ великая задача высокому поэтическому вдохновенію, поставленная античнымъ поэтомъ (Hor. Sat. IV, v. 44). Но это правило «провозглашать великое»—можетъ быть сведено и къ общему требованію отъ всякаго писателя: предлагать читателямъ лишь то, что исполнено серьезной мысли, что имѣетъ силу и значеніе образовательныя, что служитъ къ возбужденію или поясненію тѣхъ или другихъ важныхъ вопросовъ умственной или нравственной жизни. Во всякой области знанія можно найти свое относительно *великое*: и заслуга писателя—высвѣтить все важное значеніе извѣстной стороны, или извѣстнаго предмета данной области знанія. Большею частію, при исключительномъ и одностороннемъ спеціализмѣ изслѣдователя, указанная задача будто и не зарождается въ головѣ послѣдняго. Преимущественно въ русскихъ археологическихъ трудахъ и вообще въ историческихъ изысканіяхъ о древности русской мы видимъ большею частію то, что покойный Хомяковъ мѣтко назвалъ «рудокопствомъ въ наукѣ...» Между тѣмъ какъ русская археологія должна имѣть, по справедливому заключенію того же Хомякова, животворное значеніе и въ современной русской жизни. Въ памятникахъ творческаго народнаго слова и древней письменности мы черпаемъ новыя стихіи русской рѣчи для современнаго языка литературнаго. Наши старыя сказки и пѣсни живутъ еще въ устахъ людей, не отставшихъ отъ стараго быта. Наши старыя грамоты являются памятниками не отжившаго міра, не жизни когда-то прозвучавшей и замолкнувшей навсегда, а историческимъ проявленіемъ стихій, которыя еще живутъ и движутся по всей нашей великой родинѣ, но про которыя мы утратили

было воспоминаніе. Словомъ, русская археологія должна быть уже не наукою древностей; она, въ истинномъ своемъ смыслѣ, есть наука древняго въ настоящемъ; она входитъ, какъ важная, какъ первостепенная отрасль въ наше воспитаніе умственное, а еще болѣе сердечное.... (См. въ 1-мъ т. Соч. Хомяк. Предисл. къ Сборн. Кирѣевскаго, стр. 480). И когда изслѣдователь русской старины руководится этими убѣжденіями въ своихъ научныхъ работахъ, онъ и своимъ изслѣдованіямъ придаетъ жизненное значеніе—конечно въ мѣру своего таланта. По крайней мѣрѣ, этотъ изслѣдователь не превращается ни въ исключительнаго архивнаго копіиста, ни въ ходульнаго теоретика, искажающаго исторію — хотя бы въ угоду самымъ либеральнымъ тенденціямъ. Но воспитать въ себѣ указанныя убѣжденія и выражать ихъ дѣломъ можетъ изслѣдователь, обладающій не только лишь талантомъ, но вмѣстѣ и широкимъ общимъ образованіемъ. Въ своей статьѣ о «переложеніи» Патерика, сдѣланномъ М. А. Викторовою, мы достаточно обозначили вліяніе этого образованія на литературный талантъ покойной писательницы. Ея научныя симпатіи остановились на памятникахъ русской старины и народности. Ея чуткая душа умѣла выбирать цѣнный матеріалъ для своихъ научныхъ занятій. Въ послѣднихъ же выразилась вся серьезность и образованность литературныхъ силъ молодого таланта. Мы, по силѣ умѣнья, оцѣнили, въ вышеупомянутой статьѣ нашей, достоинство перевода Патерика на современный языкъ литературный. Въ предлагаемомъ ниже изслѣдованіи М. А. Викторова попыталась, и не безуспѣшно, выставить въ извѣстномъ свѣтѣ происхожденіе, значеніе и литературную судьбу Патерика Печерскаго, этого важнѣйшаго памятника древней русской письменности. Чтобы оцѣнить самостоятельность и живость взгляда покойной Викторовой на предметъ своего изслѣдованія, намъ необ-

ходимо войти здѣсь въ нѣкоторыя историческія поясненія.

«Славяне, по словамъ Шафарика, подобно каждому великому племени, богатому славными дѣяніями, счастливыми и несчастливыми событіями, имѣли у себя свои народныя преданія, повѣсти и сказанія, своихъ пѣвцовъ и вѣщихъ, глашатаевъ былаго потомству. Богатырскія пѣсни распѣвались при подошвѣ Геклы въ Исландіи и Татръ въ Польшѣ; дѣянія и событія, напоминавшія славу и пріятность счастія, равно какъ и горечь несчастія, разсказывались въ скалахъ Каледоніи и ущельяхъ и пещерахъ близъ Кракова. Здѣсь и тамъ преданія, повѣсти, разсказы и сказки сохранили отдаленнымъ потомкамъ память о самыхъ древнѣйшихъ происшествіяхъ. Лучшія доказательства на то представляютъ намъ собою значительные остатки простонародной поэзіи Чеховъ, Русовъ и Сербовъ...» (Славян. Древн. въ переводѣ О. М. Бодянскаго, Т. 2 й, кн. 2-я). Но чтобы народныя преданія и повѣсти могли служить дѣйствительнымъ пособіемъ для объясненія исторической были, полученной изъ чисто-историческихъ источниковъ; чтобы въ этихъ преданіяхъ и повѣстяхъ отразилась «поучительная картина внутренней жизни народа, образа его мысли и чувствованій, коротко, его духовнаго бытія»: эти преданія и повѣсти «должны быть подлинны, древни, безпримѣсны, сохранены вѣрно и не изуродованы учеными передѣльщиками...» Между тѣмъ, древнѣйшіе Польскіе лѣтописцы, не въ примѣръ всѣмъ лѣтописцамъ другихъ славянскихъ племенъ, будто умышленно позаботились совершенно исказить древнія преданія своего народа.... Если бы они, по замѣчанію Шафарика, «передали намъ по-польски, вѣрно и чисто, и притомъ слово въ слово, какъ слышали отъ талантливѣйшихъ пѣвцовъ своего времени, всѣ эти повѣсти и сказанія, изъ коихъ съ такимъ трудомъ составили себѣ ученое вве-

деніе къ своимъ лѣтописямъ, то, разумѣется, этимъ доставили бы намъ безцѣнный памятникъ умственной жизни древнихъ Поляковъ» (ibid). Но къ сожалѣнію, Польскіе лѣтописцы этого не сдѣлали; они даже лѣтописи свои составили на варварской Латыни, и въ разсказахъ о древности Польской представили «безобразную смѣсь» родныхъ сказаній съ событіями иноплеменныхъ народовъ; безъ всякой критики они переплели Славянскую исторію «вовсе неумѣстно и безсмысленно выдержками изъ Римскихъ классиковъ...» Польскіе лѣтописцы, по справедливымъ словамъ тогоже Шафарика», изъ всѣхъ силъ старались превзойти другъ друга этой, лишенной всякой критики, безладицей» (ibid.)... Заключимъ такой отзывъ многоученаго и высокодаровитаго Шафарика о польскихъ лѣтописцахъ слѣдующими его выраженіями: хотя эти лѣтописцы «были, сколько извѣстно, природные Славяне, именно Поляки, однакоже *истинный духъ Славянства совершенно оставилъ ихъ*, какъ скоро набили они себѣ полонъ ротъ этой Латынью. Оттого всѣ безпристрастные и чуждые слѣпой любви къ домашнимъ безпорядкамъ и усобицамъ, цѣнители ихъ..... единогласно относили ихъ къ разряду самыхъ пошлыхъ дѣписателей Среднихъ вѣковъ, и, не смотря на всѣ усилія новѣйшихъ, весьма ученыхъ и безстрашныхъ, защитниковъ ихъ, графа Оссолинскаго и Лелевеля, никому не удалось этихъ араповъ сдѣлать бѣлыми»... (ibid.). Такимъ образомъ возможность имѣть намъ точныя данныя для возможно вѣрнаго представленія первоначальной Польской исторіи утрачена навсегда; и смѣемъ думать, сама Польша подписала своей будущности смертный приговоръ такимъ страннымъ отношеніемъ къ своей древности народной.....

Въ самомъ дѣлѣ, только образцы немногихъ полонизмовъ въ языкѣ первой польско-латинской Лѣтописи Галла могли указать ученые ея издате-

ли, Шляхтовскій и Кёпке (см. Pertz, Scriptorum tomus IX, предисл. къ Галлу); а возьмемъ указаніе прекрасной надгробной пѣсни Болеславу: «tanti viri, funus mecum и т. д.... Latinorum et Slavorum quotquot estis incolae. (Pertz, ibid. p. 435) Шляхтовскій дѣлаетъ здѣсь примѣчаніе: «distinguit Polonos ecclesiae occidentalis et orientalis»; но спрашивается, много ли можно почерпнуть прямыхъ извѣстій изъ древнѣйшихъ Польскихъ лѣтописей объ этихъ «полякахъ восточной церкви»? Нѣтъ: можно при знакомствѣ съ этими лѣтописями лишь убѣдиться, что православіе въ нѣкоторую пору было сильно въ Польшѣ; а едва ли самый проницательный и безпристрастный изслѣдователь сладитъ представить намъ хотя въ общихъ очертаніяхъ историческую судьбу этого православія.... Наслой латинства навсегда укрылъ отъ нашихъ глазъ подобныя стороны древнепольской народной жизни. Нечего уже говорить о послѣдующемъ за Галломъ Кодлубкѣ, котораго лѣтопись болѣе Галловской одѣла непроглядным туманомъ многія чисто-славянскія стороны этой жизни. Нечего говорить и о Богуфалѣ, у котораго найдемъ развѣ немногія, въ славянскомъ тонѣ, выраженія, въ родѣ: «sicque illud sydus patriae Kazimirus occubuit...» (о смерти Казиміра; въ родѣ русскаго эпическаго выраженія: «закатилась звѣзда ясная,» когда говорится о смерти лица, которое при жизни вызывало сочувствіе)—(Boguph. Sommersb. T. II-й, p. 50.). При внимательномъ изслѣдованіи древнихъ Польскихъ лѣтописей можно еще отъискать въ нихъ немного капель чисто-народной славянской струи какъ въ изложеніи, такъ и содержаніи... И что же причиною, что Поляки забыли свою исконную славянскую древность? Мы отвѣтимъ снова выраженіями Шафарика: обвиненіе въ этомъ падаетъ не «на однихъ лишь древнѣйшихъ Польскихъ лѣтописцевъ, въ самомъ дѣлѣ жалкихъ и неуклюжихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, причиной того было и то обстоятельство, что

Латынь, присвоившая себѣ исключительное господство въ Польшѣ, отъ введенія Христіанства до самаго конца XV столѣтія, совершенно было подавила народный языкъ, какъ средство образованія. Отъ этого случилось, что Поляки не могутъ похвалиться, изъ цѣлой этой длинной эпохи Среднихъ вѣковъ, почти до самаго пятнадцатаго столѣтія, ни однимъ памятникомъ роднаго языка (развѣ нѣсколькими пустыми книжонками духовнаго содержанія, переведенными съ Чешскаго на Польскій яз.)».... Шафарикъ замѣчаетъ еще,—что ни одинъ славянскій народъ, сколько нибудь замѣчательный по своей величинѣ, не представляетъ въ этомъ отношеніи такой бѣдности, какъ Поляки (ibid.). И вотъ подъ гнётомъ латинскаго просвѣщенія погибаетъ былевое творчество польскаго народа, погибаютъ памятники его религіознаго творчества (см. въ нашей статьѣ о духов. стихахъ—12 Пятницъ—Филол. Зап. 1870 г. вып. Ш.); большею частію уродуются и многія стороны оригинальнаго славянскаго характера его жизни. Направленіе въ антиславянскомъ духѣ, разъ данное польской жизни, росло все болѣе вмѣстѣ съ ходомъ послѣдней. Оно проникло не одну чисто Польскую страну; оно заразило собою и тѣ русскія области, которыя имѣли несчастіе подпасть подъ временное Польское иго; оно, до нашего времени, весьма не легко уступаетъ напору освѣжающихъ вліяній новой жизни, которыми вѣетъ на эти области; оно разными, едва уловимыми путями проникало и чисто-русскую общественную жизнь въ нашемъ отечествѣ. Поддерживать силу указанныхъ, новыхъ русскихъ, вліяній и бороться противъ указаннаго, латинскаго омертвляющаго, направленія,—это долгъ и кровный интересъ всякаго истинно-русскаго человѣка, имѣющаго къ тому лишь нравственный доступъ и посильныя духовныя средства.

И борьба эта, быть можетъ, важнѣе и плодотворнѣе въ области литературной, чѣмъ сколько въ

области политической: по крайней мѣрѣ, внѣшняя политическая борьба мало можетъ сдѣлать безъ опоры нравственной, безъ опредѣленнаго умственнаго настроенія. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, живутъ и усиливаются извѣстныя политическія направленія, какъ не извѣстнымъ, соотвѣтственнымъ, воспитаніемъ ума и чувства общественнаго? Такимъ образомъ, если нравственное и умственное польское вліяніе исторически направлено на заглушеніе русской стихіи въ русскихъ людяхъ, то послѣднимъ, особенно въ наше время, предстоитъ неуклонный, энергическій трудъ вполнѣ и во всемъ эмансипировать русскую мысль и чувство отъ этого непрошеннаго вліянія. Въ области же литературной сводятся всѣ основы, процессъ и самые результаты исторической жизни всякаго историческаго народа; въ этой области бьетъ источникъ духовной силы народа для его саморазвитія, для его самоопредѣленія въ кругу разныхъ иноземныхъ вліяній. Извѣстно, какъ послѣдняя польская оппозиція противъ Россіи вся обязана своею силою опредѣленному литературному направленію, въ которомъ воспитывались цѣлыя польскія поколѣнія....

Между тѣмъ, русская литература, въ большинствѣ данныхъ случаевъ, отличалась до сихъ поръ или какою-то благодушною довѣрчивостью ко многимъ очень страннымъ явленіямъ помянутой польской литературы, или же просто нѣкоторою робостью въ борьбѣ съ нею. Скажемъ болѣе: современная русская литература или совсѣмъ игнорируетъ богатую количественно польскую литературу, или же слишкомъ поступается, и безъ всякаго основанія, передъ нею своимъ внутреннимъ достоинствомъ. Послѣдній фактъ даже поразителенъ по глубокой несправедливости, которую онъ выражаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Чешскія хроники Козьмы Пражскаго и Далимила слѣдуетъ считать по достоинству высшими въ

сравненіи съ древними Польскими лѣтописями, то могутъ ли послѣднія итти и въ сравненіе съ лѣтописями Русскими? Не даромъ даже нѣмецъ, Шлецеръ, призналъ нашего Нестора за величайшаго изъ европейскихъ лѣтописцевъ.... Перетряхнемъ далѣе всю духовно-латинскую литературу Польши, и опять далеко не въ пользу этой литературы окажется сравненіе ея съ богатою древнерусскою письменностію.. Поляки, пожалуй, готовы и Временникъ Нестора, и Слово о Полку Игоревѣ отнести къ области польской литературы, но беззастѣнчивая готовность ко лжи обыкновенно должна и кончаться лишь ложью. И если мы откроемъ напр. въ польской литературѣ XVI и XVII стол. нѣсколько авторовъ, которыхъ нельзя не почтить уваженіемъ, то увидимъ, что стяжали они себѣ это уваженіе своимъ высокимъ личнымъ талантомъ, посвященнымъ никакъ не на поддержку латино-польскихъ тенденцій извѣстнаго рода... Если мы видимъ въ польской литературѣ, начала нынѣшняго столѣтія, такого европейскаго колосса, какъ Мицкевичъ, то не должны также оставлять безъ вниманія, что великій поэтъ этотъ лишь тамъ великъ, тамъ, позволимъ себѣ выразиться, во всѣхъ отношеніяхъ безупреченъ, гдѣ онъ служилъ дѣйствительно искуству и разумной жизни; но гдѣ талантъ его потраченъ на поддержку помянутыхъ тенденцій, тамъ онъ потраченъ безплодно, тамъ онъ меркнетъ, лишается своего цвѣта и силы... А вообще, Мицкевичъ долженъ уступить въ силѣ и жизненности содержанія своей поэзіи нашему Пушкину. Если, современно Мицкевичу и послѣ него, открывается передъ нами цѣлая плеяда блестящихъ писателей такъ называемыхъ Украино-Польскихъ, то не забудемъ, что *среда народная*, и именно *украинская*, оживляетъ ихъ талантъ на созданіе дѣйствительно замѣчательныхъ произведеній литературныхъ; и гдѣ лишь пные изъ нихъ послужили своимъ талантомъ поддержкѣ тѣхъ же указанныхъ тенден-

ціи, тамъ ихъ служеніе оказывается и внутренно безцвѣтнымъ, безсильнымъ. А вообще, несравненно содержательнѣе и глубже захватывала и захватываетъ русскую народную жизнь русская литература... Въ русской литературѣ мы видимъ болѣе содержанія общечеловѣческаго, которымъ всегда мѣряется степень силы и достоинства всякой національной литературы,—болѣе, нежели во всей количественно богатой литературѣ польской; и все, что есть дѣйствительно великаго въ послѣдней, все, что въ ней исполнено живаго смысла и общечеловѣческихъ интересовъ, все это не скрѣплено органическою связью съ сущностью латинополонизма, все это въ корню противорѣчитъ стремленіямъ и характеру послѣдняго. А между тѣмъ, этотъ нравственно узкій, односторонній и лишенный силы живаго развитія латинополонизмъ составляетъ *всю* силу *исторической* жизни Польши; и онъ сгубилъ Польшу; онъ имѣлъ громадное стѣсняющее вліяніе на духовную жизнь русскихъ массъ, подпавшихъ временному владычеству Польши....

«О времена рыдательныя!» восклицалъ въ началѣ XVII-го вѣка краснорѣчивый южнорусскій православный проповѣдникъ, Кириллъ Транквилліонъ, горестно изображая всю тягость народной жизни своего времени; мы не обинуясь скажемъ, что это воззваніе можетъ характеризовать собою и пресловутую южнорусскую литературу указаннаго періода, такъ крѣпко стоявшую за православіе, такъ энергично боровшуюся съ польскимъ католичествомъ или все тоже—съ притязаніями латинополонизма. Намъ дороги представители этой литературы, какъ мужественные борцы за духовную самостоятельность русской народности; имъ отъ насъ и сердечный почетъ въ области историческихъ воспоминаній; но—могли ль они сами вполнѣ быть свободны отъ вліяній своего противника? Нѣтъ: мертвящій схоластицизмъ Латинства заражаетъ собою, черезъ Польшу, и южно-русскую, по

преимуществу, духовную литературу; онъ создаетъ цѣлое направленіе въ русскомъ образованіи на долгое время; какъ яркое характерное проявленіе этого образованія возьмемъ хотя проповѣди Стефана Яворскаго (см. превосходное изслѣдованіе г. Самарина: «Ѳеофанъ Прокоповичъ»); вспомнимъ наконецъ всю традиціонную силу латино-схоластическаго образованія въ нашихъ среднихъ и высшихъ духовныхъ школахъ даже настоящаго столѣтія.... Итакъ, южнорусская духовная литература много сдѣлала для нравственнаго блага русскаго народа, стонавшаго подъ игомъ католической Польши; но въ тоже время она воспитала русскій умъ и чувство нѣсколько въ ущербъ ихъ чисто русскому своеобразію; она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ притупила въ русскомъ человѣкѣ чуткость пониманія и различенія кровныхъ отличій и интересовъ русской мысли и жизни... Только для нашего времени, при возрожденіи и новомъ развитіи самостоятельнаго русскаго образованія, выполнима задача всесторонняго освобожденія этой мысли и жизни отъ всякихъ чуждыхъ и вредныхъ вліяній.

Мы слишкомъ достаточно высказались для цѣли нашей—указать живое значеніе изслѣдованія М. А. Викторовой, предлагаемаго послѣ настоящаго предисловія. Въ 50-хъ годахъ XVII-го столѣтія иноки Кіево-Печерской Лавры, всего вѣроятнѣе преподаватели въ Кіевской академіи, принялись готовить *славянское* печатное изданіе Патерика Печерскаго, которое и появилось въ 1661 году. Съ внѣшней стороны изданіе великолѣпно выполнено, и иллюстрировано. Главнымъ редакторомъ его былъ, безъ сомнѣнія, архимандритъ Гизель, ученый ректоръ Кіевской академіи; въ заглавіи Патерика значится, что послѣдній изданъ по благословенію Гизеля. Но каковы внутреннія достоинства указаннаго изданія, о томъ обстоятельно излагается въ изслѣдованіи, написанномъ М. А. Викто-

ровою. Вѣроятно, всякій безпристрастный читатель изслѣдованія признаетъ, что покойная писательница совершенно права въ своемъ строгомъ приговорѣ этому изданію; вѣроятно, онъ съ искреннимъ сочувствіемъ отнесется къ энергической защитѣ ею драгоцѣннаго памятника древнерусской письменности отъ безцеремонныхъ извращеній, которымъ подвергся Патерикъ въ угоду господствовавшимъ, въ свое время, ложнымъ требованіямъ схоластической польско-латинской учености.

Въ дополненіе къ приговору, сдѣланному М. Викторовою, мы считаемъ необходимымъ замѣтить лишь слѣдующее: считать въ наше время Патерикъ, изданный Гизелемъ, за какую то неприкосновенную, чуть не канонизованную, книгу, которая только и достойна быть чтима русскими православными читателями, значитъ не уважать нашей святой старины Русской, значитъ оскорблять память тѣхъ подвижниковъ древней Руси, житія которыхъ въ Патерикѣ описаны, значитъ пренебрегать сокровищами самостоятельнаго русскаго просвѣщенія и забывать первоначальныхъ представителей послѣдняго. Патерикъ составленъ на древне-Русскомъ языкѣ; онъ содержитъ въ себѣ простодушныя, но великія смысломъ и поэтическимъ одушевленіемъ, произведенія лѣтописца Нестора и писателей XIII вѣка, Симона и Поликарпа: почему же современному русскому человѣку необходимо читать Патерикъ въ печатномъ изданіи на языкѣ, имѣющемъ лишь претензію быть чистымъ Славянскимъ языкомъ, на языкѣ, нерѣдко извращающемъ, благодаря неумѣнію компиляторовъ XVII-го вѣка, смыслъ русскихъ выраженій подлиннаго текста? Почему оригинальному творчеству древне-русскихъ писателей современный русскій человѣкъ долженъ предпочитать плохую компиляцію XVII вѣка, въ которой вмѣсто искренняго поэтическаго одушевленія —надутый риторизмъ, вмѣсто исторической правды

—постоянныя искаженія, постоянное обезличиваніе былой жизни, постоянное стремленіе, на католическій манеръ, все живое, самобытное вгонять въ бездушный кругъ какихъ-то условныхъ требованій мелочной нравственности?... Нѣтъ! если Патерикъ печатный XVII-го вѣка имѣлъ и имѣетъ еще свои достоинства (что̀ и указано безпристрастно-правдивою М. А. Викторовою въ ея изслѣдованіи), то ихъ никто отъ него и не отнимаетъ и не можетъ отнять,—но пусть же Патерикъ—этотъ великій памятникъ русскаго религіознаго чувства, памятникъ русскаго самобытнаго образованія, распространится между современными русскими читателями и наконецъ получитъ преимущество — въ своемъ истинномъ видѣ, какъ онъ чтился и читался между нашими предками, до извращенія его въ XVII вѣкѣ... Отдавать же предпочтеніе Патерику печатному XVII-го вѣка можетъ лишь тотъ, кому все равно относительно русской мысли, будь она самобытная, чистая русская мысль, или будь она омрачена вліяніями Латинополонизма, хотя бы самыми тонкими. Благодареніе искреннее Кіево-Печерской лаврѣ отъ всѣхъ почитателей русской старины за то, что она первая рѣшилась содѣйствовать распространенію *подлиннаго* древнерусскаго Патерика въ прекрасномъ переводѣ на современный Русскій литературный языкъ, сдѣланномъ даровитыми и образованными силами покойной М. А. Викторовой. Послѣдняя же и предлагаемымъ ниже изслѣдованіемъ обнаруживаетъ здравое воспитаніе своего ума и сердца въ истинномъ русскомъ духѣ, выступивъ на живую и плодотворную защиту русской древности отъ искаженій—нетерпимыхъ въ настоящее время...

Что касается другой стороны изслѣдованія, написаннаго покойною Викторовой, гдѣ авторъ разбираетъ жизнь и отношенія Симона и Поликарпа, то

здѣсь, кромѣ добросовѣстности и обстоятельности строго научной, заслуживаетъ вниманія тотъ мягкій симпатичный тонъ, которымъ проникнуты сужденія автора; и не только сердцу женскому обязанъ тонъ этотъ своимъ происхожденіемъ: онъ обличаетъ вдумчивое любящее отношеніе къ старинѣ русской и къ людямъ жившимъ въ былую, далекую отъ насъ пору; безъ такого же отношенія къ прошлому не можетъ быть и истиннаго историческаго изслѣдователя; это отношеніе неразрывно съ «поэтическимъ инстинктомъ» въ оцѣнкѣ и угадываніи смысла историческихъ событій; а силою такого инстинкта, по вѣрному мнѣнію покойнаго Хомякова, только и создается вѣрная научная исторія. Вотъ все, что мы имѣли сказать по поводу нижепомѣщеннаго изслѣдованія.

Александровъ, Влад. губ.
1871, Іюнь.

Симонъ и Поликарпъ—оба писатели XIII вѣка и современники. О первомъ изъ нихъ лѣтопись даетъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній. Изъ черноризцевъ печерскихъ въ первыхъ годахъ XIII столѣтія онъ былъ возведенъ въ санъ игумена Владимірскаго монастыря Рождества Богородицы *). Великая княгиня Марія, жена Всеволода Георгіевича, была его духовной дочерью, и вообще онъ пользовался уваженіемъ и любовію всей великокняжеской семьи. Такъ, Верхуслава Всеволодовна писала къ нему самыя лестныя посланія. «Для тебя и для Поликарпа—говоритъ она въ одномъ изъ нихъ—я готова издержать хотя до тысячи серебра.» **) Юрій же Всеволодовичъ, братъ Верхуславы, сдѣлавшись послѣ отца своего великимъ княземъ Владимірскимъ и отдѣливъ свой стольный

---

*) Уже въ 1206 году встрѣчаемъ мы его здѣсь, при описаніи кончины великой княгини Маріи, у которой онъ былъ духовнымъ отцемъ (Полн. собр. Лѣтоп. Т. I, стр. 178). Послѣднее обстоятельство даетъ право предполагать, что онъ уже не одинъ годъ былъ во Владимірѣ.

**) Верхуслава Всеволодовна, правда, еще ребенкомъ (8 лѣтъ) была выдана замужъ въ Бѣлградъ за Ростислава Рюриковича (Пол. Соб. лѣт. Т. I. стр. 171); но будучи, какъ кажется, любимой дочерью отца, она часто и подолгу гостила у него во Владимірѣ, слѣдоват. имѣла возможность съ преподобнымъ Симономъ познакомиться лично.

городъ отъ Ростовской епархіи, поставилъ преподобнаго Симона (въ 1214 г.) епископомъ своей области, *) и онъ началъ собою рядъ іерарховъ Владиміра и Суздаля. Вскорѣ (въ 1215 г.) князья заставили Юрія отказаться отъ Владиміра въ пользу старшаго брата Константина. Тогда и препод. Симонъ оставилъ свой епископскій столъ и сопутствовалъ княжеской семьѣ въ городецъ Радиловъ, **) которымъ долженъ былъ удовольствоваться Юрій. Въ 1217 г. препод. Симонъ пріѣзжалъ съ своимъ княземъ во Владиміръ, куда Константинъ призывалъ брата для примиренія; но потомъ опять послѣдовалъ за Юріемъ въ Суздаль, на этотъ разъ доставшійся ему въ удѣлъ ***). Наконецъ, когда по смерти Константина Всеволодовича сѣлъ снова на великокняжескомъ столѣ Юрій, Симонъ снова возвратился на свою епископію. ****)

Не смотря на то, что монастырь Печерскій, мѣсто своего постриженія, препод. Симонъ любилъ больше всего и готовъ былъ отказаться отъ чести и славы епископа перваго стольнаго города сѣверной Руси, лишь бы «хотя соромъ валяться у воротъ честной Лавры,»—онъ до конца жизни не рѣшился, однакожъ, оставить добровольно свою епископію: поставленный разъ пастыремъ церкви, онъ не считалъ себя вправѣ отказаться отъ возложеннаго на него бремени; онъ былъ вполнѣ преданъ заботамъ о ввѣренной ему паствѣ и для блага ея молилъ Бога о продолженіи своей жизни. Въ 1225-мъ г. окон-

*) Пол. Соб. Лѣт. Т. I. стр. 185.
**) Никон. Лѣт. Т. II. стр. 333.
***) Ник. лѣт. Т. II стр. 335—36.
****) Ник. Лѣт. Т. II стр. 340.

чилъ онъ построеніе Суздальской Богородичной церкви, которая составляла его гордость, а въ слѣдующемъ году скончался, написавъ за годъ, или, можетъ быть, даже въ самый годъ смерти свое прекрасное посланіе къ Поликарпу, произведеніе, которое ставитъ Симона въ ряду замѣчательнѣйшихъ писателей Русской древности. Онъ погребенъ былъ первоначально во Владимірской соборной церкви; но въ послѣдствіи горячее желаніе его исполнилось: мощи его перенесены были въ Кіевопечерскую Лавру, гдѣ и нынѣ почиваютъ. Лѣтопись называетъ препод. Симона «милостивымъ и учительнымъ» *).

Извѣстій о Поликарпѣ, какъ не занимавшемъ видиаго мѣста, въ лѣтописяхъ не сохранилось. Все, что можно сказать о немъ, о его жизни и характерѣ, заключается главнымъ образомъ въ посланіи къ нему Симона и въ его собственномъ посланіи къ архимандриту Акиндину. Въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ къ Симону? Житіе печатнаго Патерика положительно называетъ ихъ родственниками, и хоть не изъ чего не видно, чтобы составители житія пользовались при этомъ какими нибудь неизвѣстными источниками, но, какъ предположеніе, это весьма вѣроятно; отношенія между Симономъ и Поликарпомъ были слишкомъ близкія. Ясно напр., что Симонъ имѣлъ надъ Поликарпомъ какую-то власть. Такъ онъ позволяетъ себѣ открыто протестовать противъ назначенія молодаго человѣка епископомъ; онъ говоритъ ему: „захотѣлъ ты быть игуменомъ у святаго Димитрія; а не принуждалъ тебя—ни игуменъ, ни князь, ни я.“ Это странное сопоставленіе Симономъ своей воли съ во-

*) Полн. Собр. Лѣт. Т. I. стр. 190.

лей Князя и игумена Поликарпова заставляетъ предположить, что Симонъ имѣлъ надъ Поликарпомъ власть старшаго родственника, потому что епископская его власть не простиралась ни на Кіево-Печерскій, ни на Дмитріевскій монастыри. Далѣе: въ письмѣ къ Симону Княгиня Верхуслава говоритъ о Поликарпѣ, какъ о лицѣ близкомъ епископу и сопоставляетъ ихъ имена и интересы: «Для тебя и для Поликарпа—говоритъ она—я готова издержать хотя до тысячи серебра». Что же связывало юношу черноризца съ престарѣлымъ епископомъ? По разности лѣтъ и положенія церковной іерархіи, друзьями они не могли быть; не могъ быть Поликарпъ и въ послушаніи у Симона, не могъ быть его келейникомъ, по той простой причинѣ, что Симонъ оставилъ Печерскій монастырь прежде, чѣмъ Поликарпъ могъ поступить въ него. *) Такимъ образомъ естественно притти къ заключенію, что между ними существовали отношенія родственныя. Какъ бы то ни было, однакожъ достовѣрно, что Симонъ и Поликарпъ были въ очень близкихъ отношеніяхъ, что они долго были лично знакомы. **)

Изъ словъ обоихъ посланій мы видимъ, что Симонъ часто бесѣдовалъ съ молодымъ человѣкомъ о Печерскомъ монастырѣ, къ которому—какъ уже сказано было—пи-

---

*) Въ 1225—6 г. о Поликарпѣ можно еще было сказать: «вчера поступилъ ты въ монашество» (Посланіе Симона); а Симона, какъ мы видѣли, уже слишкомъ двадцать лѣтъ не было въ Печерской Лаврѣ, гдѣ Поликарпъ постригся.

**) «Съ гордынею повелѣваешь ты младшимъ, противорѣчишь старшимъ—говоритъ Симонъ—все это привыкъ я слышать изъ устъ твоихъ.»

талъ уваженіе и любовь безграничную, доходившую почти до пристрастія. Понятно, что Симонъ, который радъ бы былъ бросить богатство и честь, какими былъ окруженъ, чтобы только хоть «нищимъ стоять у входа честной Лавры, коломъ торчать, соромъ валятьея за ея воротами,» Симонъ, который «тужитъ, скорбитъ и плачетъ», что не тамъ придется лежать его костямъ, этотъ краснорѣчивый «учительный» Симонъ передалъ своему ученику часть своего воодушевленія, своей любви къ святому мѣсту: Поликарпъ постригся въ Печерскомъ монастырѣ. Но и послѣ этого, отношенія между нимъ и его наставникомъ не прерывались. Они продолжались посредствомъ посланій, и Поликарпъ уже изъ монастыря пріѣзжалъ во Владиміръ къ епископу. *) Сильно дѣйствовали на молодаго человѣка пламенныя рѣчи Симона; крѣпко рѣшился онъ отказаться отъ міра и всего мірскаго, далъ обѣтъ отдать все имѣніе свое на нужды монастырскія, и на первый разъ устроилъ на свой счетъ двое дверей въ церкви Печерской **). Такіе крѣпкіе подвиги предпринималъ онъ, что Симонъ былъ вынужденъ нѣсколько разъ повторять ему предостереженіе, чтобы онъ «въ высокомѣріи своемъ не начиналъ дѣла выше силы.» Но не укрѣпился еще онъ въ великихъ иноческихъ добродѣтеляхъ—послушаніи и смиреніи, и ему приходилось выдерживать постоянную борьбу своей пылкой натуры съ

*) «Если бы ты былъ достоинъ такого сана, я не пустилъ бы тебя отъ себя, а своими руками поставилъ бы тебя сопрестольникомъ себѣ на обѣ епископіи—Владимірскую и Суздальскую». Посл. Симона.

**) «Ты устроилъ двое дверей въ той святой, великой Печерской Церкви Святой Богородицы.» Посл. Симона.

правилами, внушенными Симеономъ. Оттого и замѣчаемъ мы въ характерѣ Поликарпа постоянныя противорѣчія: то является онъ кроткимъ и молчаливымъ, то громко высказываетъ свое неудовольствіе на начальство и ссорится съ братіей; то смиренный и робкій, съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ къ своему игумену, онъ, «отъ стыда предъ его благочестіемъ», не можетъ говорить спокойно, отъ страха забываетъ, что хотѣлъ разсказывать; то, нарушая монастырское правило, ходитъ по кельямъ и возстановляетъ братію противъ архимандрита, и говоритъ: «чѣмъ хуже я нашихъ начальниковъ? почему недостоинъ я власти»? Самый благоустроенный въ то время, отличавшійся святостію жизни своихъ иноковъ, монастырь Печерскій не удовлетворялъ строгимъ требованіямъ молодаго человѣка: не былъ онъ доволенъ ни уставами монастырскими, ни начальниками—исполнителями ихъ. Все хотѣлось ему измѣнить, передѣлать по-своему; а глубоко было въ немъ сознаніе собственнаго достоинства, глубока вѣра въ свои силы. И задумалъ онъ самъ сдѣлаться „законодавцемъ.“ Это не была жажда власти для власти: въ глазахъ ученика Симонова она была только средствомъ улучшить положеніе дѣлъ. Случаевъ къ исполненію намѣренія Поликарпу представлялось много. Строгая жизнь и большія дарованія, о чемъ свидѣтельствуетъ посланіе его, рано обратили на него вниманіе. Многіе монастыри желали имѣть его своимъ игуменомъ. Верхуслава Всеволодовна, не жалѣя денегъ, старалась доставить ему епископскій столъ, а братъ ея Юрій хотѣлъ оставить его у себя во Владимірѣ совмѣстникомъ Симона (Посл. Сим.) Только этотъ послѣдній успѣлъ отклонить ихъ отъ такихъ намѣреній. Одинъ разъ Поликарпъ уже оставлялъ Лавру для игуменства во Владимірскомъ Космодемьян-

скомъ монастырѣ: но вліяніе Симона и здѣсь взяло верхъ: Поликарпъ возвратился въ Печеры. Однако отношенія его въ этомъ монастырѣ не измѣнились: онъ не могъ спокойно покориться начальникамъ, которыхъ не считалъ лучше себя, ни переносить обидъ отъ равныхъ. И вотъ онъ пишетъ къ своему другу и «господину епископу Симону» посланіе, *) въ которомъ жалуется на свои огорченія и досады, и уже снова готовъ оставить свой монастырь для игуменства у святаго Димитрія (монастырь въ Кіевѣ). По этому случаю написалъ ему свое извѣстное посланіе Симонъ. Строго обличаетъ онъ заблужденія и недостатки своего ученика, убѣждаетъ остаться во святой обители, отказаться отъ исканія власти, угрожая въ случаѣ ослушанія проклятіемъ. Для большей убѣдительности онъ приводитъ разсказы изъ жизни святыхъ Печерскихъ, которые (какъ разсказъ объ Онисифорѣ и Аѳанасіи затворникѣ) или прямо доказываютъ великую пользу пребыванія въ Лаврѣ свв. Антонія и Ѳеодосія, или (какъ всѣ остальные до Эразма) свидѣтельствуютъ о величіи монастыря, прославленнаго такими подвижниками. Наконецъ, когда послѣ повѣсти о Николѣ Святошѣ, строгость обличенія доходитъ до жестокости, мудрый наставникъ, чтобы не ввести своего молодаго друга въ отчаяніе и ободрить его, разсказываетъ ему «о подобномъ его усердіи» (о Эразмѣ). За этимъ, по связи мысли, переходитъ къ увѣщанію не роптать, если придется невольно лишиться имѣнія, хотя Поликарпъ и на нужды церковныя предназначилъ его. Въ подтвержденіе

*) Посланіе это не дошло до насъ. Мы знаемъ о немъ только изъ словъ Симона: «а что писалъ ты мнѣ о своей обидѣ —горе тебѣ» и. т. д.

своей мысли Симонъ приводитъ примѣръ Ареѳы. Слѣдующій разсказъ (о Титѣ и Евагріи) направленъ опять противъ Поликарпа, противъ его нетерпѣливости къ обидамъ. Но заключаетъ Симонъ уже довольно мягкимъ обращеніемъ къ ученику своему. Въ концѣ своего посланія, онъ помѣщаетъ сказаніе о созданіи церкви Печерской, проникнутое общею мыслью всего произведенія о святости монастыря и благодати Божіей, присущей въ немъ. Эту повѣсть разсказываетъ онъ, по видимому,—уже съ единственною цѣлью—разсказать, «чтобы всѣ знали, что самого Господа промысломъ и волею и Его Пречистой Матери молитвою и хотѣніемъ создалась и совершилась боголѣпная и великая церковь Печерская.» Какъ ни обширно посланіе Симона, онъ радъ бы былъ еще долго бесѣдовать о любезномъ ему монастырѣ; но старость одолѣла его. Почти нѣжно, съ благословеніемъ прощается Симонъ съ любимымъ своимъ ученикомъ. «Въ этомъ твореніи,—въ которомъ авторъ то съ убѣжденіемъ истиннаго краснорѣчія обращается къ Поликарпу, то съ истиннымъ вдохновеніемъ поэзіи повѣствуетъ о святой и разными напастями искушаемой жизни отцевъ Печерскихъ,—есть что-то въ своемъ родѣ особенно привлекательное. Но самую плѣнительную часть его посланія составляетъ заключеніе, въ которомъ содержится сказаніе о созданіи церкви Печерской». *)

Подѣйствовало ли это убѣдительное, повидимому, посланіе на Поликарпа—не знаемъ: не знаемъ, остался ли онъ въ монастырѣ. Этотъ вопросъ рѣшаютъ обыкновенно утвердительно, основываясь на томъ, что Поликарпъ напи-

*) Слова г-на Кубарева, которому принадлежитъ лучшее изслѣдованіе о Патерикѣ Печерскомъ.

салъ свое посланіе къ Акиндину будто-бы послѣ Симонова. Но доказательства послѣдняго мнѣнія довольно шатки *), и мы не знаемъ времени написанія посланія Поликарпова. Достовѣрно только, что оно написано въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ бывшему тогда печерскому архимандриту Акиндину. Можетъ показаться страннымъ, что изъ кельи въ келью одного монастыря пересылались посланія. Но самъ Поликарпъ объясняетъ намъ цѣль свое-

---

**) Такимъ доказательствомъ считаютъ мѣсто въ житіи Алимпія, «какъ о нихъ (о живописцахъ) сказано въ посланіи Симоновомъ» Но можно-ли, безпристрастно судя, не признать этого мѣста вставкой? Могъ-ли Поликарпъ цитировать письмо къ себѣ Симона? Или онъ читалъ это грозное посланіе во всеуслышаніе и потомъ отдалъ его въ общественную собственность? И никогда авторъ посланія къ Акиндину, нѣсколько разъ упоминающій о господинѣ епископѣ Симонѣ, не говоритъ о немъ такъ неуважительно: «Симонъ»! Съ другой стороны совершенно понятно, что переписчикъ, списавшій уже въ сказаніи о созданіи церкви повѣсть о живописцахъ, встрѣтивши далѣе упоминаніе объ нихъ, прибавилъ отъ себя замѣтку, что-де объ этомъ уже было говорено тамъ-то. Подражалъ, говорятъ, Поликарпъ Симону,— истина не слишкомъ очевидная; а самъ Поликарпъ замѣчаетъ, что подражаетъ онъ древнимъ святымъ составителямъ Патериковъ. Посланіе Симона стоитъ во всѣхъ спискахъ Патерика напереди. Но неужели можно опредѣлять время происхожденія статей по мѣстамъ ихъ въ сборникахъ? Редакторы же Патерика могли поставить Симоново посланіе напереди по одному уже уваженію къ памяти препод. епископа. Теперь вспомнимъ слѣдующее мѣсто у Поликарпа: «если я умолчу, отъ меня забыты будутъ (препод. Печерскіе) и совсѣмъ не помянутся имена ихъ, какъ было и до сего дня. Это говорится въ 15-е лѣто твоего игуменства; и 160 лѣтъ и помину объ нихъ не было».

го произведенія и поводъ къ его написанію. Симонъ, какъ видно, долго пробылъ въ Печерскомъ монастырѣ; многое о его древнихъ подвижникахъ, о чудесахъ, бывшихъ въ немъ, слышалъ онъ отъ старцевъ, многое видѣлъ самъ, что забывалось уже во времена Акиндина. Поэтому-то благочестивый архимандритъ часто призывалъ къ себѣ Поликарпа, какъ близкаго человѣка къ Симону, и заставлялъ его разсказывать слышанное отъ епископа Владимірскаго. Но молодой человѣкъ, по собственнымъ его словамъ, робѣлъ, совѣстился говорить передъ игуменомъ своимъ, отъ страха забывалъ половину; то, что разсказывалъ, разсказывалъ не вразумительно. И вотъ съ одной стороны для удовлетворенія любознательности своего архимандрита, съ другой и главнымъ образомъ —на память потомству, «на пользу будущимъ инокамъ», —рѣшился онъ записать то, чего не могъ говорить стѣсняясь присутствіемъ начальника. Предназначая свой трудъ первоначально для одного лица, онъ далъ ему форму посланія, или письма; но это письмо уже самъ онъ называетъ Патерикомъ.

Патериками, или—по буквальному переводу—отечниками, назывались сборники сказаній о чудесахъ и подвигахъ отцевъ какого либо монастыря. Такой сборникъ существовалъ почти въ каждомъ изъ восточныхъ монастырей. Иные изъ такихъ сборниковъ (синайскій, скитскій) еще въ первые вѣка славянской письменности были переведены на славянскій языкъ. Ихъ читалъ Поликарпъ и, какъ самъ говоритъ, «по подраженію древнимъ Святымъ составителямъ» составилъ свой патерикъ. Впослѣдствіи, къ произведенію Поликарпа присоединены были всѣ извѣстные однородные труды другихъ писателей и,

безъ сомнѣнія, прежде всего современное ему и близкое къ нему по самой формѣ посланіе Симона. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ заглавіе: «Патерикъ Печерскій», стоитъ послѣ статей, помѣщавшихся обыкновенно въ началѣ этого сборника, именно передъ посланіями. Кромѣ ихъ, въ постоянный составъ Патерика вошла похвала Ѳеодосію неизвѣстнаго автора и сказанія о монастырѣ Печерскомъ Нестора Лѣтописца.

Преподобный Несторъ былъ инокомъ Кіево-Печерскаго монастыря; жилъ онъ во второй половинѣ XI вѣка и въ началѣ XII († около 1116 г.). Отъ преемника Ѳеодосіева, игумена Стефана, принялъ онъ постриженіе и имъ-же въ послѣдствіи былъ посвященъ въ санъ діакона. Нестору было только 17 лѣтъ, когда онъ рѣшился сдѣлаться инокомъ. Но такъ рано заключившись въ монастырѣ, онъ не порвалъ нравственныхъ связей съ обществомъ, не потерялъ сочувствія къ интересамъ всей Русской земли. Судя по сочиненіямъ его, онъ много читалъ; но гораздо болѣе должны были удовлетворять его любознательности живые разсказы очевидцевъ. И онъ распрашивалъ, слушалъ и старцевъ-иноковъ, и благочестивыхъ посѣтителей уже славной тогда Лавры, сходившихся въ нее изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Руси «за благословеніемъ и молитвою». Особенно сильно поразилъ благочестиваго инока разсказъ о братоубійствѣ Святополка, котораго народъ прозвалъ окаяннымъ, и о погибшихъ отъ него Князьяхъ-мученикахъ. Первымъ литературнымъ трудомъ Нестора было «Сказаніе о убіеніи Бориса и Глѣба».—Когда наконецъ онъ достаточно ознакомился съ исторіей Русской земли, на сколько и въ какомъ видѣ сохранялась она въ памяти его современ-

никовъ, онъ сталъ записывать ее въ формѣ лѣтописи, взявши для себя за образецъ Греческіе хронографы, съ которыми былъ хорошо знакомъ. Лѣтопись его есть первый историческій памятникъ нашей древней литературы и единственный вѣрный источникъ свѣдѣній о первыхъ временахъ Русскаго государства. Но разсказывая о событіяхъ Русской земли и о замѣчательныхъ ея дѣятеляхъ, лѣтописецъ не могъ оставить въ сторонѣ и исторію церкви, которая (исторія) въ первое время христіанства особенно тѣсно связана была съ исторіей зачинавшагося государства. Печерскій монастырь естественно занялъ здѣсь видное мѣсто уже и потому, что авторъ самъ принадлежалъ къ числу его иноковъ. Несторъ разсказываетъ подробно о томъ, какъ зачался и какъ устраивался монастырь, а при этомъ естественно излагаетъ почти полную біографію основателя монастыря—Антонія и много говоритъ объ устроителѣ—Ѳеодосіи. Послѣ разсказа о кончинѣ послѣдняго, Несторъ рисуетъ общую картину его монастыря и при этомъ вспоминаетъ объ особенныхъ подвигахъ нѣкоторыхъ изъ иноковъ. Къ Ѳеодосію блаженный лѣтописецъ питалъ особенную любовь и уваженіе. Когда прошло много времени послѣ кончины преподобнаго, и никто изъ сотрудниковъ его не рѣшался описать его житіе, Несторъ принялъ на себя этотъ трудъ, и составилъ подробнѣйшее житіе, которое есть вмѣстѣ и послѣдовательная исторія Ѳедосіева монастыря до игуменства Никона. Для этого Несторъ тщательно собиралъ всѣ устныя монастырскія преданія; самому ему—по его собственнымъ словамъ—не привелось видѣть ничего изъ описываемаго: слишкомъ на короткое время засталъ онъ

въ живыхъ Преподобнаго. *) Но этого было, конечно, достаточно, чтобы уваженіе къ святому Ѳеодосію, возбужденное одними слухами, обратилось въ горячую любовь, которая подвигла блаженнаго на его прекрасный трудъ.

Великому почитателю Ѳеодосія выпало на долю открыть его святыя мощи. Подробный разсказъ объ этомъ событіи Несторъ занесъ въ свою лѣтопись. Такое порученіе отъ игумена свидѣтельствуетъ несомнѣнно о великомъ уваженіи, какимъ пользовался при жизни нашъ лѣтописецъ, по смерти причтенный церковію къ лику святыхъ.

Житіе Ѳеодосія и всѣ статьи въ лѣтописи, касающіяся монастыря Печерскаго (о началѣ монастыря; о святыхъ отцахъ: Даміанѣ, Іереміи, Матѳеѣ и Исаакіи; объ открытіи мощей Ѳеодосія) вошли въ постоянный составъ Печерскаго Патерика.

Собраніе статей Патерика принадлежитъ не одному какому либо лицу и опредѣленному времени; въ разныя времена, разныя лица трудились надъ этимъ независимо одно отъ другаго. Естественно, что патерики такихъ самостоятельныхъ составовъ, или иначе редакцій, болѣе или менѣе разнятся другъ отъ друга. Но такъ какъ у

---

*) Въ лѣтописи Несторъ говоритъ, что пришелъ онъ къ преподобному Ѳеодосію и тотъ принялъ его; въ концѣ же житія Ѳеодосіева замѣчаетъ, что былъ принятъ въ монастырь игуменомъ Стефаномъ. Такое противорѣчіе соглашаютъ слѣдующимъ образомъ: Несторъ пришелъ въ монастырь еще при жизни Ѳеодосія, но нѣкоторое время оставался на испытаніи, и только при Стефанѣ сподобился иноческаго сана.

каждаго изъ составителей матеріалы были одни и тѣже, немногочисленные и общеизвѣстные, то разныя редакціи не представляютъ важныхъ различій въ содержаніи. Къ главнымъ исчисленнымъ выше статьямъ, составлявшимъ непремѣнныя части Патерика, присоединялись иногда: служба Ѳеодосію, приписываемый ему: «Отвѣтъ о Латинахъ» и незначительная выписка изъ позднѣйшихъ лѣтописей *). Сущность же отличія разныхъ редакцій Патерика заключается въ той формѣ, какую имѣютъ помѣщенныя въ немъ статьи: первоначальную ли, въ какой вышли они изъ рукъ своихъ авторовъ, или измѣненную сообразно съ цѣлями собирателя. Редакцій Печерскаго Патерика насчитываютъ очень много. Но наиболѣе важными почитаются двѣ древнѣйшія — Арсеньевская **) и Кассьяновская; другія болѣе или менѣе сходны съ ними и составляютъ по большей части ихъ передѣлки. Арсеньевская редакція отличается въ особенности тѣмъ, что въ ней изъ обоихъ посланій сохранены только разсказы о Святыхъ и Симонова повѣсть о созданіи церкви, а все прочее выпущено ***). Въ редакціи же Кассьяновской произведенія Симона и Поликарпа помѣщены вполнѣ и въ своемъ первоначальномъ видѣ. Только сказаніе о

---

*) О поставленіи попа Василья на мѣсто умершаго Печерскаго архимандрита Акиндина; о Нифонтѣ, епископѣ Новгородскомъ, постриженникѣ Печерскаго монастыря.

**) Составлена по повелѣнію Арсенія, епископа Тверскаго. Сохранилась въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ этого памятника.

***) Составлена по повелѣнію Кассьяна, инока Печерскаго.

созданіи церкви отдѣлено отъ Симонова посланія и раздроблено на двѣ части: первая собственно о церкви—помѣщена въ самомъ началѣ Патерика, другая—объ окованіи раки Ѳеодосія—послѣ житія этого Святаго. Въ этой редакціи находится обыкновенно нѣсколько неловкихъ вставокъ въ Несторовомъ сказаніи и одна даже—въ рѣчь Симона.

Большимъ измѣненіямъ повѣствованія Нестора и посланія Симона и Поликарпа въ древнемъ Патерикѣ не подвергались. Только въ срединѣ XVII в. явилась новая его редакція (Тризны), въ которой эти произведенія раздроблены на части и совершенно безъ нужды перемѣшаны между собою. Здѣсь въ первый разъ является сказаніе о чудѣ въ Кіевскихъ пещерахъ въ день Св. Пасхи, и статьи, собственнаго сочиненія составителя, о Симонѣ и Поликарпѣ. Эта редакція, самая несовершенная изъ извѣстныхъ намъ рукописныхъ, только въ одномъ спискѣ и дошла до насъ.

Вскорѣ послѣ открытія типографіи при Кіево-Печерской Лаврѣ явилось печатное изданіе Патерика подъ редакціей Сильвестра Коссова, *) но только на Польскомъ языкѣ и въ значительно измѣненномъ видѣ. Именно: изъ разныхъ мѣстъ Патерика выбирались извѣстія о каждомъ Святомъ и изъ нихъ составлялись отдѣльныя біографіи. Къ сборнику присоединено было нѣсколько новыхъ статей, изъ которыхъ нѣкоторыя, чисто свѣтскаго, историческаго содержанія, къ Патерику не имѣютъ никакого отношенія. **)

---

*) Тогда епископа Мстиславскаго.

**) Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ Великомъ. Т. II.

Въ 50-хъ годахъ того-же столѣтія, когда Сильвестръ Коссовъ былъ уже Кіевскимъ митрополитомъ, начались приготовленія къ новому, уже славянскому изданію. Наконецъ въ 1661-мъ году вышло это великолѣпное, иллюстрированное изданіе, по благословенію— какъ значится въ заглавіи — архимандрита Гизеля, ученаго ректора Кіевской академіи. На этомъ изданіи мы остановимся подольше, такъ какъ по нему только знакома читающая публика съ Патерикомъ Печерскимъ, такъ какъ его считаютъ обыкновенно изданіемъ древняго текста этого сборника, и даже въ учебныя руководства входятъ ссылки на него, какъ на достовѣрный источникъ историческихъ свѣдѣній.

Кто были издателями-редакторами печатнаго Патерика—мы не знаемъ; они называютъ себя просто иноками Печерской Лавры. Можетъ быть, это были преподаватели Кіевской академіи. Отсюда будутъ понятны литературные пріемы этого изданія, совершенно не свойственные его оригиналу, но господствовавшіе въ схоластически образованной литературѣ Малороссіи XVII вѣка. Легко можетъ быть, что и самъ митрополитъ принималъ участіе въ редакціи Патерика, какъ дѣлѣ уже знакомомъ ему. Во всякомъ случаѣ вліяніе его изданія на новое славянское слишкомъ замѣтно. Предисловіе и статья о мироточивыхъ главахъ взяты цѣликомъ оттуда *) и главное въ изложеніи употребленъ тотъ же біографическій методъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и заключаются главнымъ образомъ слабыя стороны печатнаго Патери-

*) Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ. т. II.

ка. Не говоря о томъ, какъ много потерпѣли отъ этого цѣлость и единство прекрасныхъ произведеній, составлявшихъ древній Патерикъ, разсмотримъ—въ какомъ видѣ явились ихъ разрозненныя части въ новой редакціи.

Въ первой части значатся по заглавію—житія, написанныя Несторомъ. Но Несторъ, кромѣ Ѳеодосіева, не писалъ житій, а изображая общее состояніе монастыря во время смерти святаго игумена, указываетъ на нѣкоторыхъ иноковъ, сподобившихся особенныхъ даровъ небесныхъ. Или же въ свое житіе Ѳеодосія онъ вводитъ эпизодическіе разсказы о наиболѣе прославленныхъ отцахъ Печерскихъ, исторія которыхъ связана съ исторіей самаго монастыря. Изъ этихъ-то краткихъ указаній, большею частію нѣсколькихъ строкъ, издатели печатнаго Патерика взяли на себя трудную задачу сдѣлать цѣльныя статьи съ особенными заглавіями. И они дѣлали это по слѣдующему способу: въ началѣ такого житія помѣщали витіеватое вступленіе. *) Потомъ, по соображенію, прибавляли, что Святой пришелъ въ монастырь Печерскій и, если это случалось при Ѳеодосіи, что этотъ блаженный игуменъ, «провидя его добродѣтельное

*) Напр. въ такомъ родѣ: «не именемъ только поревновалъ первому изъ Евангелистовъ этотъ блаженный отецъ нашъ Матѳій Печерскій: какъ тому дано было видѣть страну Ѳѳіоповъ и ихъ въ невѣріи обличать; такъ и этотъ блаженный, иночествуя въ Печерскомъ Святомъ монастырѣ во дни святыхъ первоначальниковъ святой обители той, за превеликіе свои подвиги принялъ такое дарованіе отъ Бога, что могъ видѣть воочію лица подземныхъ Ѳѳіоповъ, бѣсовъ и ихъ утаенныя козни обличать и открывать, ко многой пользѣ спасающимся.»

и равноангельное житіе», принялъ его (замѣтимъ, что, по свидѣтельству современника лѣтописца, Ѳеодосій принималъ всѣхъ, приходившихъ къ нему). Далѣе подлинный разсказъ Нестора распространялся такимъ образомъ.

Слова Нестора: «Если братъ задумывалъ уйти изъ монастыря,—онъ (Іеремія), видя это, приходилъ къ нему, обличалъ мысль его и утѣшалъ брата». Слова печатнаго Патерика «.....пришедъ къ нему, утѣшалъ брата, увѣщевая долго терпѣть и крѣпко стоять въ подвигѣ боренія противъ добра ненавистника и врага нашего, и непоколебимымъ быть. Итакъ укрѣплялъ онъ брата, что тотъ никогда уже и не думалъ уходить».

Несторъ говоритъ, что Матѳей Прозорливый видѣлъ бѣсовъ, шедшихъ за однимъ изъ братій, и потомъ, узнавъ, что этотъ братъ ушелъ за ограду, разсказалъ свое видѣніе игумену и всей братіи. Въ печатномъ Патерикѣ прибавлено, что игуменъ призвалъ брата, сдѣлалъ ему приличное внушеніе и отослалъ въ келью. Но Прозорливый печатнаго Патерика не все жаловался игумену и *старшей* братіи (вмѣсто всей): онъ иныхъ и самъ любовно научалъ, чтобы сидѣть въ кельѣ, постоянно вспоминать Бога и молиться о грѣхахъ своихъ. Еще примѣръ: Несторъ разсказываетъ о томъ же Матѳеѣ, что онъ видѣлъ осла на мѣстѣ игумена, не вставшаго къ заутренѣ. Въ печатномъ житіи уже описывается, какъ подѣйствовало это на игумена, которому прозорливый инокъ будто бы разсказалъ о своемъ видѣніи, какъ онъ каялся и какъ послѣ этого, не только лѣнь, но и нужное дѣло монастырское откладывалъ, чтобы первому притти въ церковь.

Послѣ такого и подобнаго изложенія разсказа Нестора говорится непремѣнно, что Святый, доживши до старости, скончался въ Печерскомъ монастырѣ, что мощи его (или иногда, покровъ души) покоятся въ пещерѣ, а самъ на небѣ. Послѣдняя мысль обыкновенно выражается въ разнообразныхъ цвѣтистыхъ фразахъ.

Замѣчательно, что такая страсть къ риторизму, объясняется не однимъ только недостаткомъ матеріала. Извѣстій объ Антоніи много и у Нестора и въ двухъ посланіяхъ. И все же древнія сказанія объ этомъ святомъ относительно формы повѣствованія много пострадали отъ невѣрныхъ толкованій, передѣлокъ и распространеній.

Возьмемъ для примѣра начало: по Нестору: «вложилъ Богъ въ сердце нѣкоему мірянину изъ города Любеча итти странствовать. Онъ пришелъ на Аѳонъ, осмотрѣлъ тамошніе монастыри и полюбилъ иночество.» А въ печатномъ житіи разсказывается, что онъ измлада имѣлъ страхъ Божій и желалъ облечься въ иноческій образъ; Господь и вложилъ ему въ сердце итти въ Грецію постригаться.

Несторъ говоритъ, что игуменъ, къ которому пришелъ Антоній, постригши его, благословилъ и послалъ въ Русь. По печатному житію: «новопостриженный оставался время не малое въ Аѳонскомъ монастырѣ, радовалъ благочестивыхъ иноковъ своими подвигами, многимъ и пользу приносилъ и только, по особенному откровенію отъ Бога, игуменъ велѣлъ ему возвратиться въ отечество» и т. д. до конца.

Но измѣненія дѣлались не всегда для одной красоты слога: такъ напр. для большаго прославленія Ѳеодосія, какъ устроителя монастыря, ему приписано первоначальное основаніе его надъ пещерой, что у Нестора

отнесено къ игуменству Варлаама. Наконецъ вставочное сказаніе о двукратномъ путешествіи Антонія на Аѳонъ, сказаніе, очевидно противорѣчащее лѣтописи и находящееся только въ Кассьяновскомъ патерикѣ, цѣликомъ внесено въ печатный текстъ, какъ и всѣ другія вставки этой редакціи. *)

Вотъ образецъ обращенія издателей печатнаго Патерика съ ихъ подлинникомъ. Въ житіи Ѳеодосія кромѣ подобныхъ искаженій въ передачѣ разсказа, кромѣ обычнаго выдѣленія изъ него всего, относящагося къ другимъ подвижникамъ, издатели позволяли себѣ даже исправлять произведеніе Нестора. Такъ они располагали по-своему разныя части житія въ той странной мысли, что этимъ они придаютъ повѣствованію болѣе связи и порядка.

Но всего болѣе пострадали отъ совершенно произвольныхъ и непужныхъ измѣненій два посланія. Изъ разсказовъ о святыхъ, сообразно принятой методѣ, сдѣланы отдѣльныя житія въ томъ же родѣ, какъ означенныя именемъ Нестора, т. е. съ такими же витіеватыми вступленіями и заключеніями, сочиненія самихъ издателей, и съ такимъ же свободнымъ изложеніемъ. Какъ и въ нѣкоторыхъ рукописныхъ редакціяхъ, сказаніе Симоново о созданіи церкви отдѣлено здѣсь отъ посланія и помѣщено въ первой части, послѣ житія Ѳеодосія, а часть этой повѣсти (о покованіи раки), какъ новая отдѣльная статья, заняла мѣсто въ сказаніяхъ объ этомъ Святомъ. Изъ остальнаго же въ произведеніяхъ Симона и Поликарпа, изъ личныхъ обращеній и замѣтокъ, касающихся

*) За исключеніемъ одной—въ Симоновомъ посланіи.

самихъ авторовъ, или лицъ, для которыхъ они писали, изъ этихъ отрывковъ, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ, составлены самостоятельныя статьи подъ заглавіемъ «посланій». Посланіе Поликарпа есть еще довольно полное собраніе всѣхъ мѣстъ, не вошедшихъ въ его житіе, и мѣста эти изданы сравнительно вѣрно. Жаль только, что и сюда придѣлано заключеніе съ упоминаніемъ, въ добавокъ, о кедрѣ въ Ливанѣ и въ особенности о Фениксѣ. Но что сталось съ Симоновымъ посланіемъ! Издатели исправили его, какъ говорятъ сами, въ пользу всѣмъ иночествующимъ, т. е. изгладили въ письмѣ всѣ слѣды личныхъ отношеній, сдѣлали общія мѣста изъ указаній на живые факты и выпустили все, что было неудобно въ такой передѣлкѣ! Такимъ образомъ, изъ прекраснаго, краснорѣчивѣйшаго по своей простотѣ письма, они сдѣлали безцвѣтное, дюжинное поученіе. Наконецъ укажемъ на совершенно необъяснимую во всякомъ другомъ изданіи невѣрность. Между житіями, означенными именемъ Симона, въ печатномъ Патерикѣ помѣщено житіе Нифонта, составленное самими издателями изъ лѣтописныхъ извѣстій. Мало этого: преподобнаго Симона они (издатели) заставляютъ ссылаться въ передѣланномъ посланіи на это житіе, какъ на его собственное произведеніе.

Мы не сказали еще объ одной сторонѣ измѣненій древняго текста—измѣненій языка. Относясь въ большей части случаевъ къ замѣнѣ старинныхъ словъ и оборотовъ новѣйшими, болѣе употребительными, эти измѣненія легко объясняются и оправдываются желаніемъ издателей сдѣлать свое изданіе удобопонятнѣе для современныхъ ему читателей.—Жаль только, что иногда

издателями непонятныя слова замѣнялись другими наугадъ, не всегда вѣрно. *).

Имѣя въ виду представить возможно полный сборникъ житій Святыхъ Печерскихъ, издатели въ приложеніи (пристяженіи) помѣстили составленныя ими житія самихъ писателей Патерика—Нестора, Симона и Поликарпа. Не будемъ входить въ разборъ литературнаго достоинства этихъ статей: конечно, и безъ нашихъ указаній самому терпѣливому и снисходительному читателю непріятно бросится въ глаза постоянно повторяемое сравненіе всѣхъ и всего съ солнцемъ, луной и звѣздами. Но все это, разумѣется, было въ духѣ того времени. Итакъ лучше сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній собственно объ исторической сторонѣ этихъ житій.

Престолъ епархіи Владимірской и Суздальской былъ пустъ (почему? это неизвѣстно) и Симонъ, назначенный туда епископомъ, отправился изъ Печерскаго монастыря, взявъ съ собой черноризца Поликарпа, своего родственника: такъ говорится въ житіяхъ. Здѣсь каждое слово—невѣрность. Былъ ли Поликарпъ родственникомъ Симону,—это вопросъ, а въ житіи говорится объ немъ, какъ о положительномъ фактѣ. Епископскій Владимірскій столъ не былъ пустъ передъ Симономъ, потому что перваго и не существовало: Владиміръ и Суздаль принадлежали до этого времени къ епархіи Ростовской. Что Поликарпъ былъ у еписк. Симона во Владимірѣ,—это извѣстно; но когда?—опять вопросъ. «Когда Симонъ, продолжаетъ пе-

*) Напр. кругодушіе—гордость и т. п., а иногда измѣненія дѣлались безъ всякой видимой нужды, въ видахъ исправленія подлинника. Напр. «чадо» ставилось вмѣсто «брате», «азъ» вмѣсто «наше смиреніе».

чатное житіе, изъ монастыря Печерскаго взятъ былъ на епископію Владимірскую и Суздальскую, то онъ и этого блаженнаго Поликарпа взялъ съ собой туда же». Но и этого опять быть не могло. Симонъ не изъ Печерскаго монастыря взятъ на епископію: онъ долгое время прежде того былъ игуменомъ во Владимірскомъ же монастырѣ. Онъ пріѣзжалъ въ Кіевъ для посвященія,—не тогда ли взялъ съ собой во Владиміръ Поликарпа? Могло быть, но было ли дѣйствительно такъ,—этого не изъ чего не видно. Догадка составителей житія совершенно произвольная.

Далѣе по житіямъ—сначала Симонъ написалъ сказаніе о созданіи церкви и о покованіи раки Ѳеодосія, потомъ Поликарпъ записалъ его разсказы о святыхъ печерскихъ въ посланіи, которое отправилъ изъ Владиміра къ Акиндину, и наконецъ, когда молодой родственникъ его возвратился въ свой монастырь, Симонъ написалъ свое посланіе. Все это опять не вѣрно. Сказаніе о церкви не могло быть написано прежде посланія, существенную часть котораго составляетъ оно. Неизвѣстно, когда писано посланіе Поликарпа: но во всякомъ случаѣ не въ бытность его во Владимірѣ: изъ самаго произведенія видно, что оно писано въ Печерскомъ монастырѣ. Чтобы сильнѣе выразить любовь Симона къ мѣсту его постриженія, въ житіи его говорится, что онъ только тѣломъ былъ въ своей епархіи, а душой въ пещерѣ со святыми отцами. Слишкомъ неудачная похвала, да и не справедливая: «знаешь, какое великое дѣло духовное нынѣ владѣетъ мной»—говоритъ онъ самъ о своихъ заботахъ о паствѣ—«прошу только Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ время исполнить его». Наконецъ величайшая ошибка: изъ Поликарпа черноризца, младшаго современника Симонова

(†1226), въ печатномъ житіи сдѣланъ архимандритомъ Поликарпъ, умершій въ 1182 году, и повторены извѣстія лѣтописи объ этомъ послѣднемъ. Удивительно, что издатели, вообще удачно пользовавшіеся лѣтописями, въ житіяхъ Симона и Поликарпа одинъ разъ слишкомъ не ловко воспользовались ими, въ другой—совсѣмъ выпустили ихъ изъ виду.

Вотъ каково единственное, имѣющееся у насъ, изданіе Патерика, одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ нашей древней литературы! Скажемъ больше: онъ не былъ еще напечатанъ. Патерикъ Гизеля нельзя и назвать изданіемъ: это трудъ совершенно самостоятельный, и, какъ такой, онъ имѣетъ значеніе. Ему можно ставить въ достоинство, что въ немъ излагается по возможности полная исторія монастыря Печерскаго въ его лучшій періодъ, но такъ что житія подвижниковъ представляютъ собою рядъ отдѣльныхъ біографій и о каждомъ святомъ отцѣ читатель можетъ получить разомъ всѣ сохранившіяся о немъ свѣдѣнія. *) Но и такому значенію его сильно вредятъ разнаго рода невѣрности и неточности, которыми изобилуетъ изданіе. А злоупотребленіе прекрасными именами—Нестора, Симона и Поликарпа совершенно неизвинимо: **) выдавая передѣлку

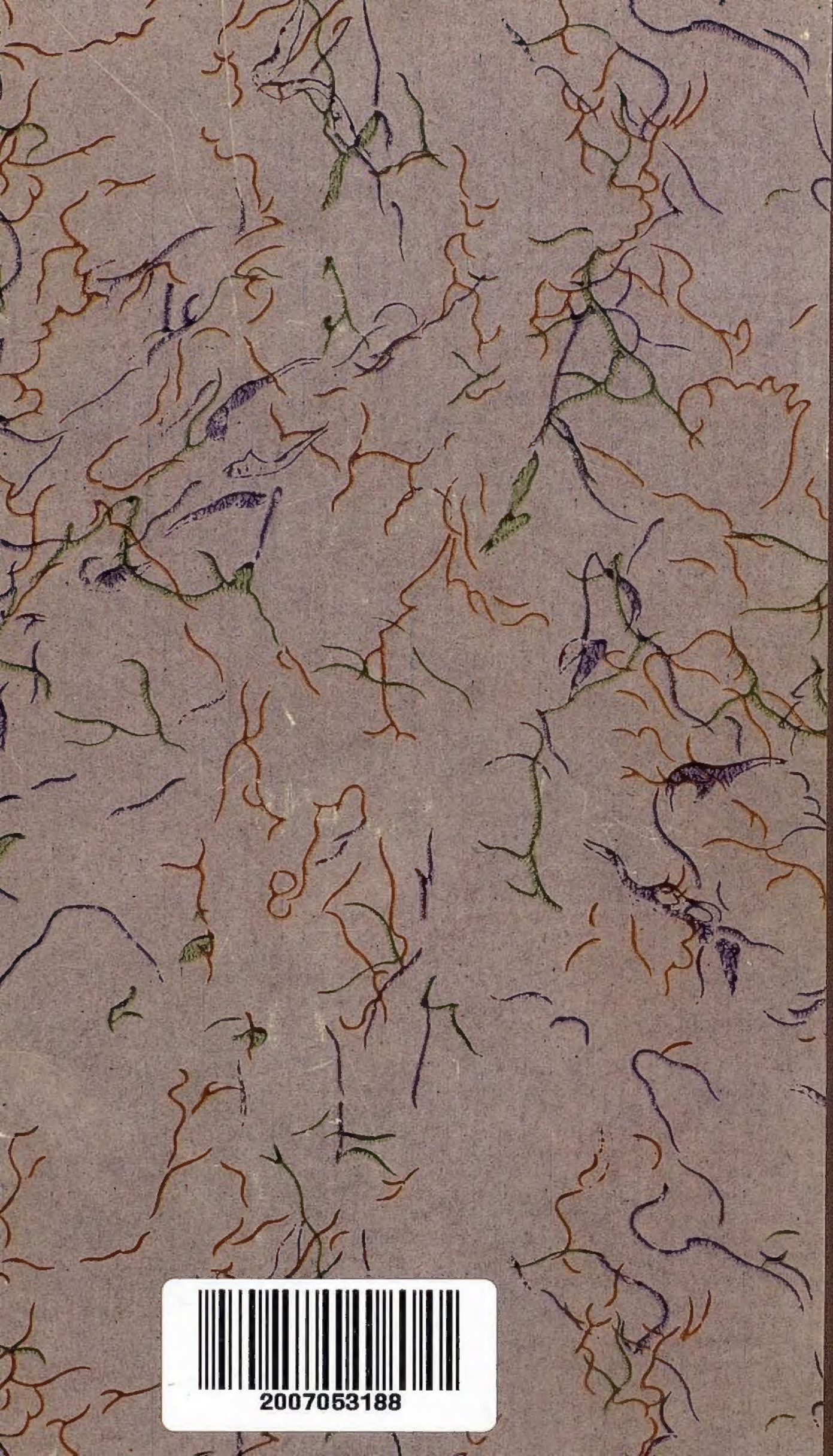
*) Обзоръ редакцій Кіево-Печер. Патерика, преимущественно «древнихъ» Преосв. Макарія. «Извѣст. Акад. Наукъ» т. V. стр. 163.

**) Оно неизвинимо, еслибъ допущено было *намѣренно*. Читатель, знакомый съ предисловіемъ къ этой статьѣ, согласится, что вина такого злоупотребленія оправдывается историческими обстоятельствами. Читатель въ тоже время, надѣемся, оправдаетъ и негодованіе покойнаго автора изслѣдованія: всякое здравое нравственное и эстетическое чувство невольно возмущается, когда въ области ему присущей появляются искаженія и ложь.
Прим. И. Н.

даже и собственное сочиненіе за подлинныя ихъ произведенія, изданіе даетъ самое превратное понятіе объ этихъ послѣднихъ. Нельзя также признать за печатной редакціей особенной «назидательности для благочестивыхъ читателей,» преимущественно передъ редакціями древними. Все равно, съ какою бы цѣлью не читался Патерикъ,—съ благочестивой ли, или съ чисто литературной, — ни въ какомъ случаѣ передѣлка риторовъ XVII вѣка не можетъ замѣнить оригинальныхъ твореній образцовыхъ писателей нашей древности, и притомъ людей, прославившихся умомъ и святостію жизни.

Марія Викторова.

Москва. 1863



2007053188